

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И РЕЛИГИЯ В РУССКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ НАРОДНИЧЕСТВЕ И ТЕРРОРИЗМЕ В 1870–1880-х гг.

Исследуется влияние религии на русское революционное народничество, а также выясняется, присутствовала ли религиозность в сознании русских народников и революционных террористов 1870–1880-х гг. Дается определение религиозности. Выявляются отличительные черты определения «религия» в западной научной среде. Опровергаются утверждения о религиозном характере аскетизма народников, их веры в народ. Доказывается, что религиозность в сознании русских народников отсутствовала, а влияние религии на революционное народничество было опосредованным.

Ключевые слова: русское революционное движение в 1870–1880-х гг.; революционное народничество; революционный терроризм; религиозность; религия.

В современном мире терроризм чаще всего связывают с религиозным фундаментализмом. Действительно, международный терроризм, появившийся в 1980-е гг., сейчас в своей идеологической основе имеет извращенные фанатиками религиозные идеи, приобретая отсюда радикально-религиозный характер. Занимаясь изучением сути этого феномена, ученые часто обращают внимание в прошлое, в историю применения насилия и угрозы физического устранения как методов устрашения политических противников. Ряд зарубежных и отечественных исследователей полагают, что терроризм зародился еще в эпоху Древнего мира [1–8]. Неудивительно, что в поле их зрения попадает и период революционного терроризма 1860–1880-х гг. и начала XX в. в России, когда, по их мнению, возникает новая форма терроризма – организационная. Стараясь так же всесторонне подойти к изучению революционного терроризма в России, как и современного терроризма, исследователи неизбежно сталкиваются с темой идейных оснований этого радикального способа политической борьбы. В том числе здесь затрагиваются вопросы о влиянии религии на русских революционеров и об их религиозности в целом. Эти вопросы приобретают более масштабный и общий характер в плане выяснения связи религии и религиозных идей с насильственными формами протеста.

Влияние религии на русских народников и возможное наличие у них религиозности в литературе освещены слабо. В основном это сделано в трудах философского характера. Работы историков представлены в этом вопросе в малом количестве, а сама проблема затрагивается опосредованно. Дореволюционный историк Б.Б. Глинский в одной из своих статей писал, что народники являлись атеистами и вели атеистическую пропаганду, но при этом психологический тип народника религиозен сам по себе, а веру в народ он отождествляет с верой в Бога [9. Т. 118. С. 211–244, 608–641, 1029–1063]. Д.С. Мережковский в своих заметках о народничестве, написанных под впечатлением от книги В.Я. Богучарского «Активное народничество семидесятых годов» [10], соединял революцию и религию. Каждого из народников он (Мережковский) видел религиозным в их ригоризме и аскетизме, стремлении к правде, любви, справедливости. Но религия их новая, особая, отличающаяся от

казенного православия, хотя тоже христианская. Как считал Д.С. Мережковский, несмотря на то что В.Я. Богучарский раскрыл в своей книге это своеобразное качество народников, сам так и не понял, что речь идет о религиозности [11. С. 171–172, 182]. Русский литературовед и лингвист Д.Н. Овсянко-Куликовский называл народников натурами психологически-религиозными, сравнивал их самоотречение с уходом от мира первых христиан, фанатичную веру в народ и служение ему сопоставлял с религиозной верой [12. С. 247–257]. Советские историки априори рассматривали народничество как движение атеистическое, хотя и уделяли внимание использованию народниками старообрядчества, которое те считали мощной антигосударственной силой. В 1958 г. выходит книга профессора русской истории Гарвардского университета Д. Биллингтона «Михайловский и русское народничество». В этом исследовании американский историк среди прочего пытается разобраться во влиянии религии на русских народников. Он заявляет о глубоком религиозном базисе народничества, его религиозности в целом [13. Р. 120]. Все это подтверждается якобы существовавшими внутренними связями и внешним сходством между народничеством и религиозными сектантскими традициями, использованием народниками, иногда в целях пропаганды, Евангелия, христианских преданий и т.д. [Там же. Р. 121]. Советские историки Ш.М. Левин и С.С. Волк в своей рецензии на книгу Биллингтона последовательно опровергают его идею о религиозности русского народничества [14. С. 206–207]. Позднее, в 1970-х гг., утверждение Д. Биллингтона и других зарубежных авторов о религиозности народничества подвергал критике М.А. Маслин [15. С. 39–54], чей труд был посвящен разбору буржуазных интерпретаций русского революционного народничества. Лишь в 1980-х гг. у некоторых советских историков стали появляться идеи о том, что народники заместили Бога народом [16. С. 232–234]. Интересной представляется точка зрения по данной проблеме известного российского религиоведа Е.С. Элбакян. В самом начале своей статьи о народниках, опубликованной в 1995 г., она последовательно доказывает, что народники были атеистами, что не следует путать веру как таковую с верой религиозной [17. С. 138–142]. Но далее она делает вывод, что идеология народников была атеистической, а

ментальность – религиозной [17. С. 150–151] и им удавалось как-то уживаться. Е.С. Элбакян отмечает наличие религиозного настроения у народников, которое можно проследить в их письмах, воспоминаниях. Религиозность сознания народников влияла на их идеологический уровень, порождая установки, характерные для религиозного мировоззрения, также как, например, принятие на веру, без доказательств и критики некоторых идейных положений. В конце статьи Элбакян противоречит сама себе, подчеркивая религиозность сознания народников. В своем труде «“Народная воля”: идеология и лидеры» историк Г.С. Кан показывает, что религиозное учение повлияло на некоторых народолюбцев еще в детстве, но поняли они религиозные идеи неверно. Он считает, что религиозные идеи у народников приобрели светский характер [18. С. 100, 117].

Становится понятно, что вопросы о религиозности русских революционных народников, в том числе террористов, влияния религии на революционную среду рассмотрены недостаточно. Воззрения на данные проблемы отличаются противоречивостью или непоследовательностью. В данном случае будет проанализировано влияние религии на русскую революционную среду в 1870–1880-х гг., а также выяснено, присутствовала ли религиозность в сознании русских народников, революционных террористов в обозначенный период.

Для начала следует разобраться с самими понятиями «религиозность» и «религия», что поможет внести ясность в исследование и понять причину появления столь разных точек зрения по теме религиозности русского народничества. В социологическом словаре совместного академического издания РАН и МГУ под религиозностью понимается «качество индивида или группы, проявляющееся в вере и поклонении священному и / или сверхъестественному на уровне сознания, поведения и отношений как в религиозной, так и нерелигиозной сферах» [19. С. 389]. Показателями же внутренней религиозности являются: важность религии для индивида в сравнении с остальными аспектами жизни, роль религии в принятии жизненно важных решений, осмысленность жизни без религии [Там же]. Степень религиозности зависит от наличия или отсутствия корреляции между религиозным сознанием и религиозным поведением, от силы и глубины влияния религии на деятельность индивида, его мотивацию [19. С. 390]. Таким образом, понятие религиозности непосредственно связано с религией, верой в сверхъестественное, поклонение священному и представляет собой особый уровень присутствия религии и религиозного в сознании и поведении. Такое определение следует считать наиболее верным. Авторы словаря в статье, посвященной непосредственно религии, уделяют внимание тому, что многие зарубежные ученые считают универсальной чертой, присущей религии, более широкую веру в священное, а не в сверхъестественное [Там же. С. 391]. Но при этом, как отмечается, это священное, а им могут быть люди, животные, неодушевленные предметы и т.д., всегда противоположно повседневному и социальному [19. С. 391]. Об

этом нужно помнить при обращении к зарубежным исследованиям, где осуществляются попытки подвести «народ», в идеях народников, под «священное», что кажется понятным в условиях принятых дефиниций в западной научной среде, но в целом им противоречит, так как народ нельзя исключить из повседневного.

В Большом толковом социологическом словаре Школы социальных наук при Стаффордширском университете приводится несколько определений религии, в том числе определение из так называемой функционалистской теории религии, основателем которой считается Э. Дюркгейм. Суть этого определения в общем можно сформулировать следующим образом: религия выполняет функцию социального объединения, отсюда эта система верований, совокупность обособленных и хранимых с благоговением вещей и практик по отношению к ним, которые объединяют своих сторонников в моральную общину или церковь [20. С. 155]. В данной теории не проводится явного различия между религиозной, национальной и иными видами социально объединяющих идей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что западные авторы зачастую пытаются соединить религиозные идеи, а именно идеи ортодоксального христианства, с идеями революционного народничества. Но сами авторы этого словаря отмечают, что есть проблемы с любым из определений религии, в том числе с функционалистским [Там же. С. 156]. Эти определения не объясняют традиционные формы религиозных явлений, ритуального поведения, затрудняют осмысление секуляризации.

Отталкиваясь от академического определения религиозности, нельзя делать вывод о какой бы то ни было религиозности русского революционного народничества. Большинство идеологов этого движения последовательно выступали против религии. Делал это П.Л. Лавров и, особенно рьяно, М.А. Бакунин, чьи последователи иногда поражали своим нигилизмом по отношению не то что к религии, но и к науке, образованию, морали и т.д. У большинства народников нельзя найти никакого проявления внешней религиозности. Попытки свести аскетизм народников, употребление ими религиозных выражений и веру в народ к религиозности и религиозному сознанию ведут к слишком широкому толкованию религии и религиозности. Аскетизм нельзя связывать только с религиозными традициями или религиозными убеждениями, как пытаются объяснить, например, поступки С.Л. Перовской, которая занималась тяжелым физическим трудом, спала на голых досках и т.п. Аскетизм народников был ближе к его изначальному смыслу времен античной Греции, когда понимался как «упражнение тела». Попытки закалить свою личность, особенно для революционера, живущего в сложных условиях преследования и вытекающих отсюда тягот, нельзя сводить только к религиозным побуждениям. Семья Перовских была нерелигиозной, глава семейства редко ходил в церковь, посты не соблюдал, уже с юного возраста С.Л. Перовская получала сугубо светское образование, стремилась к

наукам и получению знаний. Девушка с волевым, железным характером, выступившая против самодурства отца, сбежавшая из дома; Софья Перовская представляла яркий типаж эмансипированной женщины. Все то, что она делала, она делала для революционной борьбы, а не ради Бога или иной сверхъестественной силы. А.И. Желябов на процессе перемартовцев открыто заявил, что отрицает православие. Светским было обучение и воспитание сына священника Н.И. Кибальчича. В достаточно раннем возрасте «разуверилась» В.Н. Фигнер. Да и странно говорить о какой-либо христианской религиозности людей, даже подсознательной, готовивших покушение и убивших Александра II на первой неделе (одной из двух самых строгих) Великого поста, в воскресенье Торжества православия. Вряд ли на такое пошли бы даже люди, отвергавшие официальную церковь, но хранившие некую свою, «новую» христианскую веру. Также не стоит видеть религиозность в употреблении на письме некоторыми народниками слов «Господь», «Боже» и т.п. Эти слова вошли в современное повседневное речевое употребление и почти утратили религиозный подтекст. Веру народников в народ ни в коей мере нельзя отождествлять с верой религиозной. Вера как общее понятие предполагает принятие чего-либо за истину без подтверждения, вера религиозная предполагает принятие за истину существования сверхъестественных сил, потустороннего мира и т.п. без каких-либо доказательств. Вера народников в народ была естественной, опиралась на реальность, так как был реальным сам русский народ, к которому они потом и пошли, что справедливо отмечала еще Е.С. Элбакян [17. С. 142]. В данном случае присутствует больше утопичное представление о готовности народа подняться в любой момент, которое в основном молодые, горячие головы и приняли без доказательств. Народники не создавали культ народа с поклонением ему. Это наиболее заметно в отношении к народу как к этакому брату, которому нужно помочь, поднять на ноги, что явно далеко от видения его в качестве Бога.

Принимая во внимание вышесказанное, необходимо, тем не менее, отметить, что религия имела определенное влияние на народническое движение. Но влияние было именно определенное, т.е. опосредованное, и это не противоречит утверждениям, сделанным ранее. Влияние на народников больше оказывало морально-этическое учение христианства, так как именно оно в то время являлось одним из фундаментов изучения с раннего возраста обыкновенных категорий морали: добра и зла, справедливости и несправедливости и т.п. И нет ничего удивительного, что эти понятия были хорошо усвоены будущими революционерами, но в ходе их взросления приобрели совершенно светский характер, при этом оставляя светлые воспоминания от знакомства с ними из детства. Об этих чувствах говорил в своем письме к товарищу обер-прокурора Сената В.А. Желиховскому видный народник, участник «хождения в народ», не принимавший, правда, участия в последующей террористической деятельности, И.Н. Мышкин. Он писал о том, что под влиянием каких книг с крайне револю-

ционными идеями сложился его идеал жизни [21. С. 193]. Этими книгами были Деяния Апостолов и Евангелие, с которыми он познакомился еще в детстве [Там же. С. 194]. В них говорилось о равенстве и братстве, о любви к ближнему. Ради этих идеалов они и шли в народ, а потом обратились к терроризму. Самым религиозным из всех народников обычно называют А.Д. Михайлова, знаменитого конспиратора «Земли и воли» и «Народной воли». По большей мере Михайлов, скорее всего, был пантеистом. А.И. Желябов отзывался о нем так: «Он любит людей и природу одинаково конкретно, и для него весь мир проникнут какой-то чисто человеческою личною прелестью» [22. С. 40]. В своих автобиографических заметках Михайлов признается в любви к людям, «страстном желании видеть человечество гармоничным» [Там же. С. 41]. Еще в юношеском возрасте у него появилось желание жертвовать жизнью ради народа, ради людей, ради их счастья, чтобы увидеть мир гармоничным. На вопросы о Боге А.Д. Михайлов отвечал, что Бог – это любовь, это правда, это справедливость [Там же. С. 49]. Но в целом религиозным человеком он не был, а выделялся особым душевным устройством, внутренней добротой и нравственностью, в основе которых были те самые идеи справедливости, гармонии, равенства из христианского учения, ставшие для него всеобъемлющими морально-этическими ориентирами в отличие от религиозных догм. Большое влияние Евангелие оказало на В.Н. Фигнер. К 17 годам Фигнер перестала верить в Бога, но по-прежнему оставалась под влиянием идей аскетизма и подвижничества, почерпнутыми из Евангелия [23. С. 97–105]. С.Г. Кан справедливо замечает, что эти идеи «жили в сознании Фигнер уже самостоятельной жизнью и впоследствии приобрели совсем далекий от евангельских суждений смысл» [18. С. 117; 23. С. 101]. На судебном процессе перемартовцев А.И. Желябов, кроме того что отверг православие, заявил, что учение Христа он признает [24. С. 4–5] и что каждый христианин, по его мнению, должен бороться за правду до конца. Приводить примеры можно долго. Но и на основании изложенных фактов ясно, что из христианского учения будущими народниками усваивалось только морально-этическое восприятие окружающей действительности без его религиозного основания. С позиций социальной справедливости и связанных с нею понятий правды и добра смотрели на мир многие народники. Именно эти понятия, чувство обостренной социальной справедливости, желание бороться за «социальную» правду до последней капли крови, идти на самопожертвование ради освобождения «забитого и глухого народа» и заставили народников перейти на путь насилия, но только тогда, когда власть начала бороться с мирными пропагандистами, несущими слово о «дobre и всеобщем счастье». Названные понятия в равной степени используются как религией, так и философией. Заблуждение многих исследователей начинается с того, что они увязывают эти понятия только с религиозной стороной жизни общества того времени. Они забывают, что для XIX в. уже была характерна секуляризация сознания, распространение

атеистических взглядов, особенно среди интеллигенции, образованной части общества, не говоря уже о такой радикальной его части, как революционеры.

Таким образом, принимая во внимание определение религиозности как особого уровня присутствия религии и религиозного в сознании и поведении индивида и основываясь на фактах биографии народников, опираясь на принцип историзма, следует сделать вывод, что в русском революционном народничестве религиозность отсутствовала. Народники, землевольцы и народовольцы не были движимы какой-то религиозной идеей, осознанной или подсознательной, или религиозными практиками. Веру в народ, аскетизм, самопожертвование и т.п. следует отделять от религиозной сферы, тем более что они религиозного

смысла в революционном движении не носили. При этом необходимо отметить, что религиозное, христианское учение стало для некоторых народников источником морально-этических установок, сложившихся еще в детском и юношеском возрасте. Эти установки полностью секуляризировались в их сознании в уже взрослом состоянии, хотя и понимались в максималистском духе в связи с особенностями молодого возраста и сложившимися обстоятельствами. Максималистское понимание в условиях реакции и гонений среди других причин привело ряд народников к революционному терроризму. На этом влияние религии на русское революционное народничество и революционный терроризм можно считать исчерпанным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Laqueur W. Terrorism. Boston, MA, 1977.
2. The history of terrorism from Antiquity to Al Qaeda / ed. by G. Chaliand, A. Blin. Berkeley, LA ; London, 2007.
3. Smith Paul J. The terrorism ahead: confronting transnational violence in the twenty-first century. Armonk, NY ; London, 2008.
4. An International History of Terrorism. Western and non-Western experiences / ed. by Jussi M. Hanhimäki, B. Blumenau. New York ; London, 2013.
5. Carr C. Terrorismus – die sinnlose gewalt. München, 2002.
6. Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987.
7. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998.
8. Горбунов К.Г. Терроризм: социально-психологическое исследование. Омск, 2010.
9. Глинский Б.Б. Крамола, реакция и террор // Исторический вестник. СПб., 1909. Т. 118.
10. Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912.
11. Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М., 2001.
12. Овсянко-Куликовский Д.Н. История русской интеллигенции. Итоги русской художественной литературы XIX в. Часть II (от 50-х до 80-х годов). М., 1907.
13. Billington J. Mikhailovsky and Russian Populism. Oxford, 1958.
14. Волк С.С., Левин Ш.М. Джеймс Биллингтон. Михайловский и русское народничество // История СССР. 1959. № 4. С. 204–212.
15. Маслин М.А. Критика буржуазных интерпретаций русского революционного народничества. М., 1977.
16. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. М., 1986.
17. Элбакян Е.С. Религиозная идея в сознании народников // Кентавр. Историко-политический журнал. 1995. № 3. С. 137–151.
18. Кан Г.С. «Народная воля». Идеология и лидеры. М., 1997.
19. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев ; уч. секр. О.Е. Чернощек. М., 2010.
20. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 2: П–Я : пер. с англ. М., 1999.
21. Из заявления И.Н. Мышкина товарищу обер-прокурору Сената В.А. Желиховскому // Революционное народничество 70-х годов XIX века. М., 1964. Т. 1. С. 181–196.
22. Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н. Александр Дмитриевич Михайлов. Л. ; М., 1925.
23. Фигнер В.Н. Злая шутка // Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 5: Очерки, статьи, речи. М., 1929.
24. Дело о совершенном 1-го марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Государь Император Александр Николаевич. Киев, 1881.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2016 г.

RELIGIOSITY AND RELIGION IN THE RUSSIAN REVOLUTIONARY POPULISM AND TERRORISM IN THE 1870S–1880S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 99–103.

DOI: 10.17223/15617793/409/15

Denis A. Morozov, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: dr.oprichnik@yandex.ru; dr.oprichnik@gmail.com

Keywords: Russian revolutionary movement in 1870s–1880s; revolutionary populism; revolutionary terrorism; religiosity; religion.

The article investigates the influence of religion on the Russian revolutionary populism; and whether religiosity was present in the minds of Russian populists and revolutionary terrorists in the 1870s–1880s. In today's world, most often they connect terrorism with religious fundamentalism. Indeed, international terrorism, which appeared in the 1980s, now has religious ideas in its ideological basis, perverted by fanatics, gaining a radical religious character from here. While investigating this phenomenon, scholars pay attention to the past, to the history of the use of violence and threats of physical elimination as methods of intimidating political opponents. A number of researchers believe that terrorism originates in the Ancient world. In this context, these researchers consider the period of revolutionary terrorism in Russia in the 1860s–1880s and the beginning of the 20th century. Trying to study revolutionary terrorism in Russia as comprehensively as modern terrorism, researchers cannot but deal with the ideological bases of this radical way of political struggle, including influence of religion on Russian revolutionaries and their religiosity. These questions gain more significance and a general character clarifying the connection between religion and religious ideas with violent forms of protest. The article shows that questions of Russian revolutionary populists' religiosity (including terrorists), the influence of religion on the revolutionary environment are not adequately discussed in research papers. Views on these problems appear to be conflicting and incon-

sistent. The research provides the definition of “religiosity” and identifies distinctive features of this definition in western research publications. It goes on to prove that religiosity was absent in Russian populists’ consciousness. It refutes assertions about the religious nature of populists’ asceticism, their faith in the people. The study found that the influence of religion on revolutionary populism was indirect. Russian revolutionary populists in childhood and adolescence acquired only moral and ethical perception of the surrounding reality from the Christian teaching, without its religious basis. A conclusion is drawn that populists were not moved by some religious ideas or religious practices consciously or subconsciously. Faith in the people, asceticism, self-sacrifice, etc. should be separated from the religious sphere especially as they had no religious implication in the revolutionary movement. At the same time, it is noted that for some populists the religious, Christian teaching became a source of moral and ethical attitudes which developed in childhood or youth. These attitudes became completely secularized in their consciousness at an adult age, though were understood in the maximalist way due to their young age and particular circumstances.

REFERENCES

1. Laqueur, W. (1977) *Terrorism*. Boston, MA: Little Brown.
2. Chaliand, G. & Blin, A. (eds) (2007) *The history of terrorism from Antiquity to Al Qaeda*. Berkeley, LA; London: University of California Press.
3. Smith, P.J. (2008) *The terrorism ahead: confronting transnational violence in the twenty-first century*. Armonk, NY; London: M.E. Sharpe.
4. Hanhimäki, J.M. & Blumenau, B. (eds) (2013) *An International History of Terrorism. Western and non-Western experiences*. New York; London: Routledge.
5. Carr, C. (2002) *Terrorismus – die sinnlose gewalt* [Terrorism – the senseless violence]. München: Heyne.
6. Vityuk, V.V. & Efirov, S.A. (1987) “Levyi” terrorizm na Zapade: istoriya i sovremennost’ [“Left” terrorism in the West: history and modernity]. Moscow: Nauka.
7. Antonyan, Yu.M. (1998) *Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie* [Terrorism. Criminological and criminal-legal research]. Moscow: Shchit-M.
8. Gorbunov, K.G. (2010) *Terrorizm: sotsial’no-psikhologicheskoe issledovanie* [Terrorism: a socio-psychological research]. Omsk: Omsk State University.
9. Glinskiy, B.B. (1909) Kramola, reaktsiya i terror [Sedition, reaction and terror]. *Istoricheskiy vestnik*. 118.
10. Bogucharskiy, V.Ya. (1912) *Aktivnoe narodnichestvo semidesyatykh godov* [Active Populism of the seventies]. Moscow: Izdatel’stvo M. i S. Sabashnikovykh.
11. Merezkovskiy, D.S. (2001) *Bylo i budet. Dnevnik. 1910–1914; Nevoennyi dnevnik. 1914–1916* [It has been and will be. A diary. 1910–1914; A non-military diary. 1914–1916]. Moscow: Agra.
12. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1907) *Istoriya russkoy intelligentsii. Itogi russkoy khudozhestvennoy literatury XIX v.* [The history of the Russian intelligentsia. Results of Russian literature of the 19th century]. Pt. 2. Moscow: Izdatel’stvo Sablina.
13. Billington, J. (1958) *Mikhailovsky and Russian Populism*. Oxford: Oxford University Press.
14. Volk, S.S. & Levin, Sh.M. (1959) Dzheymz Billington. Mikhailovskiy i russkoe narodnichestvo [James Billington. Mikhailovsky and Russian Populism]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 204–212.
15. Maslin, M.A. (1977) *Kritika burzhuaizmskikh interpretatsiy russkogo revolyutsionnogo narodnichestva* [Criticism of bourgeois interpretations of the Russian revolutionary populism]. Moscow: Moscow State University.
16. Pantin, I.K., Plimak, E.G. & Khoros, V.G. (1986) *Revolutsionnaya traditsiya v Rossii: 1783–1883 gg.* [The revolutionary tradition in Russia: 1783–1883]. Moscow: Mysl’.
17. Elbakyan, E.S. (1995) Religioznaya ideya v soznanii narodnikov [The religious idea in the minds of populists]. *Kentavr. Istoriko-politicheskiy zhurnal*. 3. pp. 137–151.
18. Kan, G.S. (1997) “Narodnaya volya”. *Ideologiya i lidery* [“Narodnaya Volya”. Ideology and leaders]. Moscow: Probel.
19. Osipov, G.V. & Moskvichev, L.N. (eds) (2010) *Sotsiologicheskii slovar’* [Sociological Dictionary]. Moscow: Infra-M; Norma.
20. Geri, D. & Geri, J. (1999) *Bol’shoy tolkovyy sotsiologicheskii slovar’* [Big Sociological Explanatory Dictionary]. Translated from English. Vol. 2. Moscow: Veche, AST.
21. Itenberg, B.S. (ed.) (1964) Iz zayavleniya I.N. Myshkina tovarishchu ober-prokurora Senata V.A. Zhelikhovskomu [From the statement of I.N. Myshkin to Comrade Procurator of the Senate V.A. Zhelikhovsky]. In: *Revolutsionnoe narodnichestvo 70-kh godov XIX veka* [Revolutionary Populism of the 1870s]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
22. Pribyleva-Korba, A.P. & Figner, V.N. (1925) *Aleksandr Dmitrievich Mikhaylov*. Leningrad; Moscow: Gosizdat. (In Russian).
23. Figner, V.N. (1929) Zlaya shutka [A bad joke]. In: Figner, V.N. *Polnoe sobranie sochineniy v shesti tomakh* [Complete Works in six volumes]. Vol. 5. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo obshchestva politicheskikh katorzhan i ssyl’nikov poselentsev.
24. Anon. (1881) *Delo o sovershenom 1-go marta 1881 goda zlodeyanii, zhertvoyu kogo pal v Boze pochivshiy Gosudar’ Imperator Aleksandr Nikolaevich* [The case of the atrocity committed on 1st March 1881, whose victim became the deceased Emperor Alexander]. Kiev: Tipografiya G.T. Korchak”-Novitskago.

Received: 09 June 2016